

**КОНЦЕПТ «ДРУГОЙ»
В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(на примере романа М. Каннингема «Плоть и кровь»)¹**

М.М. Бичарова

Статья посвящена изучению этноспецифических и лингвокультурных особенностей концепта «другой» в современной англоязычной литературе. В качестве примера используется роман М. Каннингема «Плоть и кровь». Внимание акцентируется на сложной структуре, многогранности и сложности восприятия данного концепта. Выявлено, что проблема «другого», а также схожих с ним понятий «чужого», «иного» связана не только с многонациональностью и поликультурностью современного общества, но и с принадлежностью к той или иной расе, отличностью внешности, неприятием традиционных ценностей и жизненных устоев.

The article is devoted to study of ethnic and linguistic and cultural features of the concept “different” in the modern English-speaking literature. The novel “Flesh and blood” by M. Cunningham is taken as an example. The accent is put on the complex and many-sided structure and difficulty of perception of the given concept. It is revealed, that the problem of “different” and similar notions “strange” and “other” is connected not only with multinational and poly-cultural specifics, but also with belonging to other race, different appearance, denying traditional values and life modes.

Ключевые слова: концепт «другой», современная англоязычная литература, семья, толерантность.

Key words: concept “different”, modern English-speaking literature, family, tolerance.

Знания о национальных особенностях той или иной страны, социальные и политические, этнокультурные и психологические особенности ее народа являются ключевыми в осознании места государства в мировом сообществе, самоопределении в отношениях с другими этносами и культурами.

Сложный и многоаспектный вопрос о соотношении языка и культуры является центральным в современном языкознании. Несмотря на существенные расхождения в подходе к отношениям между культурой и языком, тезис о том, что язык является частью культуры народа, почти не вызывает возражений среди лингвистов.

Ключевой идеей в современной лингвистике является идея антропоцентричности языка. В центре всего изображаемого словом стоит человек – он сам и все то, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия. С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. В основе данной парадигмы лежит переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект, то есть анализируется человек в языке и язык в человеке. Именно формирование антропоцентрической парадигмы привело к развороту проблематики в сторону знаний о человеке и его месте в культуре.

Эти знания могут быть получены путем изучения ключевых культурных концептов, которые, в свою очередь, способствуют формированию представлений о ценностной картине мира, ценностных доминантах, образующих в совокупности определенный тип культуры. Исследование этнокультурной

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект 11-33-00395а2 «"Другой" в семье».

специфики того или иного концепта основывается на сопоставлении ценностных суждений, вытекающих из стереотипов поведения, зафиксированных в значении слов, устойчивых выражений, прецедентных текстов. В эффективности таких исследований далеко не последнюю роль играет вопрос интерпретации концепта «другой» и соответствующих образов, создаваемых в современной литературе.

Исследование концепта «другой», как и изучение любого другого концепта, возможно на материале художественной литературы любого народа в любой временной период. Очевидно, что в каждом отдельном случае будет прослеживаться как этнокультурная специфика данного концепта в языке данного народа, так и различные способы его репрезентации в соотношении с тем или иным периодом времени, той или иной демографической, политической, экономической, социальной и другой ситуацией.

В исследовании мы опираемся на лингвокультурологическое определение концепта, предложенное Ю.С. Степановым: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... В отличие от понятий, концепты не только мыслятся, но и переживаются» [5, с. 40]. Вслед за ученым мы признаем концепт базовой единицей культуры, ее концентратом и соглашаемся, что «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека» и, с другой стороны, «это то, посредством чего человек сам входит в культуру» [5, с. 40]. Мы также берем за основу определение концепта В.И. Карасика, который вслед за С.Х. Ляпиным понимает под концептом «самоорганизующееся интегративное функционально-системное многомерное идеализированное формообразование, опирающееся на понятийный базис, закрепленный в значении какого-нибудь знака». Исследователи единогласно считают главным в концепте «многомерность и дискретную целостность смысла, существующего в непрерывном культурно-историческом пространстве и поэтому предрасположенного к культурной трансляции из одной предметной области в другую» [3, с. 18–19].

Соглашаясь с В.И. Карасиком, мы считаем, что концепт является основной единицей лингвокультурологии, в которой его можно охарактеризовать как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [1, с. 130], и в изучении этнокультурной специфики концепта «другой» берем за основу лингвокультурологический подход в исследовании концептов, особенности которого заключаются в следующем:

- ✓ лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию (в отличие, например, от лингвокогнитивного концепта, который представляет собой направление от индивидуального сознания к культуре);
- ✓ ценностная составляющая – основной компонент в структуре культурного концепта;
- ✓ культурный концепт соответствует тем базовым оппозициям, которые определяют картину мира;
- ✓ концепты признаются первичными культурными образованиями, выражающими объективное содержание слов, имеющими смысл и потому транслируемыми в различные сферы бытия человека, в частности, в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятельностного (обыденная жизнь) освоения мира [1, с. 147].

Последняя из перечисленных особенностей описанного подхода представляется для нас особенно важной и интересной, поскольку в изучении концепта «другой» мы также предпринимаем попытку проследить особенности его транслирования в сферу семьи, которая является наиболее значимой в обыденной жизни человека.

В дополнение к характеристикам лингвокультурного концепта В.И. Карасика, на наш взгляд, можно привести еще одну его существенную особенность, основывающуюся на взаимосвязи концепта с пространственно-временными характеристиками картины мира того или иного индивидуума. Мы полагаем, что лингвокультурный концепт не только концентрирует в себе элементы той или иной культуры, но и в определенных ситуациях может стать «символом» или «отличительной чертой» того или иного периода времени ее развития и в конкретной языковой ситуации может соотноситься с особенностями рассматриваемого периода времени.

Данное наблюдение косвенно подтверждается словами С.Г. Тер-Минасовой о том, что «важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь значительную роль в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа, нации» [7, с. 80]. Действительно, именно благодаря языковым репрезентациям того или иного концепта можно получить довольно достоверную информацию о ценностной картине мира того или иного временного промежутка той или иной страны.

Чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом, тем богаче, насыщеннее сам концепт. В совокупности возможности, открываемые как в тезаурусе отдельного человека, так и всего языка в целом, можно называть концептосферами. Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (оно также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации и религией особенно [2].

Общепринятым является мнение о том, что как в культуре, так и в языке каждого народа присутствует универсальное (общечеловеческое) и национально-специфическое. В то же время в любой культуре имеются присущие только ей культурные значения, закрепленные в языке, моральных нормах, убеждениях, особенностях поведения и т.п.

Среди источников, дающих объективные сведения о национальном характере того или иного народа, С.Г. Тер-Минасова выделяет набор стереотипов, ассоциирующихся с данным народом. В.А. Маслова определяет стереотип как «тип, существующий в мире, он измеряет деятельность, поведение и т.д.» [4, с. 147]. Наиболее популярным источником стереотипных представлений, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, являются международные анекдоты и шутки разных видов, национальная классическая и художественная литература, фольклор, устное народное творчество, национальный язык [7, с. 147].

Концепт – это универсальный феномен, поэтому его использование помогает установить особенности национальной картины мира. В недрах человеческого сознания зарождается и формируется концептуальный взгляд на мир, но необходимо обратить внимание и на зарождение этого взгляда в коллективном сознании, определить в связи с этим в пространстве термина «концепт» роль и место мировоззренческих национальных позиций, ментали-

тета [2, с. 280]. О значимости этого компонента говорит и высокий интерес к языковой личности как носителю ментальности языковой, а, следовательно, и социокультурной.

Национальная концептосфера складывается из совокупности индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных концептов, то есть концептов, имеющих общечеловеческую ценность. К числу универсальных относятся такие базовые концепты, как *родина, мать, семья, свобода, любовь, вера, свой, чужой, другой, иной*, на основе которых формируются национальные культурные ценности, а также такие фундаментальные универсальные ценности, как время, пространство, причинность и т.д. Именно наличие общих, универсальных концептов обеспечивает возможность взаимопонимания между народами. В то же время каждая нация имеет собственную шкалу мировоззрения и шкалу ценностей. Каждая культура формирует свои стереотипы сознания и поведения, опирающиеся на собственное видение мира. Таким образом, несмотря на то что изучаемый нами концепт «другой» универсальный, наполненность его для каждой нации и для каждого периода времени своя.

В нашем исследовании концепт «другой» рассматривается в рамках американской концептосферы, а также с использованием примеров, взятых из книги Майкла Каннингема «Плоть и кровь».

Анализ концепта «другой» (“different” в американском языковом пространстве) в нашей работе осуществляется в рамках лингвокультурологического направления, процедура анализа была предложена Ю.С. Степановым. Он выделяет три «слоя» концепта: основной, актуальный признак; дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»; внутреннюю форму, обычно вовсе неосознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме [5].

В основном признаке, в актуальном, «активном» слое концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения.

В дополнительных, «пассивных» признаках своего содержания концепт актуален лишь для некоторых социальных групп. При этом во всех случаях актуализируются «исторические», «пассивные» признаки концепта главным образом при общении людей внутри данной социальной группы, при общении их между собой, а не вовне, с другими группами.

Внутренняя форма, или этимологический признак, или этимология открываются лишь исследователям и исследователями. Для носителей данного языка этот слой содержания концепта существует опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значения.

Для выявления внутренней формы концепта обратимся к его этимологии. Этимологический словарь [8] указывает, что слово “different” пришло в средневековый английский язык из древнего французского языка, который, в свою очередь, позаимствовал это понятие из латинского *differentem*, обозначающего «другой», «отличный», «непохожий». Это также отглагольное прилагательное от французского *differre* – «ставить отдельно», «ставить раздельно», «отстранять», «отдалять». 1912 г. датируется применение слова “different” в значении «особый», «особенный».

Толковый словарь современного английского языка [9] дает следующие определения слова “different”:

1. Not alike in character or quality; differing; dissimilar: *The two are different.*

Не похожий по характеру или по качеству: *Эти двое – разные.*

2. Not identical; separate or distinct: *Three different answers.*

Не похожий, отдельный или отличный: *три отличных (друг от друга) ответа.*

3. Various; several: *Different people told me the same story.*

Различный, непохожий, другой: *Разные люди рассказывали мне ту же самую историю.*

4. Not ordinary; unusual.

Неординарный, необычный.

Таким образом, внутренняя форма концепта “different” («другой»), заложенная в его этимологии и современном употреблении, содержит значения «непохожий», «отличный», «другой», то есть отличающийся по внутренней структуре, качествам, специфическим характеристикам.

Говоря о компонентах концепта «другой», мы сужаем сферу его рассмотрения до уровня семьи, которая представляется нам микромоделью общества, а значит, залогом его стабильности и индикатором уровня приятия или неприятия другого во всех его проявлениях. Так, именно с неприятием другого, чужого, непонятного, а значит, и ненужного связаны многие конфликты, проявляющиеся в разнообразных жизненных ситуациях и имеющих разные масштабы. Принятие другого в свою семью, в свой мир предполагает формирование толерантного отношения к другому, не только к отдельно взятому новому члену семьи, но и к ему подобным представителям другой культуры и носителям другого менталитета, что будет способствовать формированию толерантности общества в целом.

Проблема «другого», а также схожих с ним понятий «чужого», «иногo» часто связана с многонациональностью и поликультурностью современного общества, а также с вытекающими из этого проблемами и насущностью их решения. Однако это не единственный аспект, с которым может быть связана проблема неприятия «другого».

В уже упомянутом произведении М. Каннингема вопрос неприятия «другого» прослеживается на протяжении развития всего сюжета романа, в процессе чего раскрываются различные аспекты, а соответственно, и элементы концепта «другой».

Несомненно, самым выделяющимся и наиболее ярким элементом изучаемого концепта выступает соотнесение «другого» с той или иной национальностью, что в очередной раз подкрепляет выводы о неприятии «другого», сделанные авторами, рассматривающими данный концепт с позиции интерпретации «другого» как: не своего, принадлежащего к другому этносу, стране, нации, менталитету, культуре и т.д. (Г. Зиммель, А. Шютц, П. Рикер). Помимо такого подхода к «другому» можно проследить проблему «другого» с позиции изучения другого, чужого как «постороннего» (А. Камю), отчужденного от самого себя, по сути своей «НЕ-Я». Здесь раскрываются новые различные элементы рассматриваемого концепта: «другая» внешность, «другой» возраст, «другие» жизненные приоритеты, «другая» сексуальная ориентация.

Каждый из элементов характеризуется набором определенных лексем и коммуникативных ситуаций, в которых раскрывается отношение к «другому» с разных позиций.

Рассмотрим на конкретных примерах и коммуникативных ситуациях каждый элемент.

1. «Другая» национальность. Проблема «другого» раскрывается автором в описании отношения главных героев романа, Мэри и Константина, к статусу «американцы». Семейная пара муж-грек и жена-итальянка, чьи семьи иммигрировали в Соединенные Штаты Америки в поисках лучшей жизни, хорошей работы и достатка, – стремится слиться с американским обществом, стараясь не говорить вслух о своем неамериканском происхождении.

In a short-lived fit of nostalgia he had insisted on naming her Zoe, after his grandmother. Now he regretted it. Mary had favored American names like Joan or Patricia. Now, as Zoe proved to be a dark spirit, racked by indecipherable miseries, he wondered if he'd made a foreigner's life for her with something as simple as a name.

В недолгом приступе ностальгии Константин настоял на том, чтобы дочь назвали Зою, в честь его бабушки. И теперь жалел об этом. Мэри предпочитала имена американские: Джоан, Патриция. И ныне, когда обнаружилось, что нравом Зои обладает сумрачным, что ее одолевают не поддающиеся расшифровке горести, Константин гадал, не обрек ли он дочь – всего лишь таким пустяком, как имя, – на жизнь чужестранки (здесь и далее перевод С. Ильина – М. Б.)

Сожалению Константина о том, что он назвал свою дочь греческим, а не американским именем демонстрирует не только его попытки слиться с американским обществом, но и опасение за будущее своего ребенка, который как и отец, так и не станет полноценным гражданином Америки, а останется лишь потомком мигранта, о чем будет напоминать когда-то неудачно подобранное имя. Поэтому прослеживаются стремление избегать любых упоминаний об иностранных корнях и желание продемонстрировать свою приверженность к американской нации.

He nodded. It was American Easter. Greek Easter would not fall for another three weeks, although he knew Mary wouldn't like his mentioning it. Whenever the occasion demanded it she'd say, "We're Americans, Con. Americans." Her own mother, who'd gotten herself from Palermo to New Jersey so her children could be born U.S. citizens, flew an American flag next to the grieving plaster Madonna in her front yard.

Константин кивнул. Американская Пасха. Греческой ждать еще три недели, – впрочем, он знал, что Мэри не любит упоминаний об этом. Она при всяком удобном случае говорила: «Мы американцы, Кон. Американцы». А мать Мэри, перебравшаяся, чтобы дети ее стали гражданами США, из Палермо в Нью-Джерси, что ни день поднимает на своем переднем дворе, бок о бок с пластмассовой скорбящей Мадонной, американский флаг.

Для Мэри вопрос национальной принадлежности стоит еще более остро, чем для ее мужа. Это она постоянно повторяет: “We're Americans” («Мы – американцы»). Любое проявление простой человеческой слабости для героини, даже в такой вопиющей ситуации, как измена супруга, с ее точки зрения, – повод для изобличения ее в принадлежности к неамериканцам:

Assuming she was received, accepted into a living room and given a glass of iced tea, she was too afraid she'd break down. And if she broke down in front of any of those cool assured women she'd be little more than an immigrant, full of an immigrant's hysterical, bottomless trouble – gesticulating, babbling, keening at the white ship as it sailed away. She knew they'd treat her kindly but she knew as well that they'd think her pathetic, and she knew she could not survive that.

Приняли бы, провели в гостиную, предложили стакан чаю со льдом, однако она все время боялась бы, что **сорвется**. А если бы такое случилось на глазах у одной из этих спокойных, уверенных в себе женщин, Мэри обратилась бы для нее в не более чем **иммигрантку**, полную **иммигрантской же истеричности**, в **неизбывную доуку** – **жестикულიрующую, что-то лепечущую, причитающую**, пока ее белое судно уходит вдаль. Конечно, к ней и тогда отнеслись бы по-доброму, однако сочли бы **жалкой**, а этого она не переживет.

Таким образом, концепт «другой» в романе неразрывно связан с лексемами, имеющими отрицательное семантическое значение: *regret* (сожалеть), *dark spirit* (сумрачный), *rack* (обрекать), *miseries* (горесть), *a foreigner's life* (жизнь чужестранки), *break down* (срыв), *immigrant's hysterical* (иммигрантская истеричность), *bottomless trouble* (неизбывная доука), *babbling* (лепечущий), *keening* (причитающий), которые, в свою очередь, контекстуально придают отрицательный смысл словам, изначально таковым не обладающим: *Greek Easter* (Греческая Пасха) и *grieving plaster Madonna* (пластмассовая скорбящая Мадонна) в противопоставлении словосочетаниям *American Easter* (Американская Пасха) и *American flag* (Американский флаг) невольно приобретают отрицательную коннотацию.

2. «Другая» внешность. Внешность человека также является неотъемлемым атрибутом восприятия его либо как «своего», либо как «чужого». Особенно очевидным это становится вприятии (или неприятии) другой внешности из-за принадлежности к другой национальности, расе. Внук главной героини, Джамаль, явился плодом любви ее дочери Зои и чернокожего мужчины, что не могло не отразиться на восприятии мальчика бабушкой как «другого».

*Mary tried to care for him, to feel connected, and sometimes she managed it, but more often the feeling simply slipped away from her and she looked at Jamal as if he were **anyone's child, balky and undemonstrative, a little dull.***

Мэри очень старалась полюбить этого мальчика, ощутить родственную связь с ним, и иногда у нее получалось, однако гораздо чаще эти чувства просто не давались ей, и она смотрела на Джамаль так, точно он был **чужим ребенком, несговорчивым, неласковым и немного скучным**.

Такое же чувство неприятия прослеживается и среди людей, не являющихся родственниками Джамалю. Здесь определяющим фактором становится не столько принадлежность мальчика к другой расе, сколько его внешность, цвет кожи.

*She hesitated, smiling. Ben realized that she disliked Jamal not for being an unpromising sailor but **for being what he was. For being small and dark and unembarrassed.***

Конни помолчала, улыбаясь. Бен понимал: она невзлюбила Джамаль не за то, что моряк из него получится навряд ли, но за то, что **он таков, каков есть. Маленький, темнокожий и независимый**.

Концепт «другой» в данном контексте сопряжен с лексемами *anyone's child* (чужой ребенок), *balky* (несговорчивый), *undemonstrative* (неласковый), *a little dull* (немного скучный), *small* (маленький), *dark* (темнокожий), *unembarrassed* (независимый).

«Другая» внешность может стать также причиной восприятия «себя как другого». Такое самовосприятие М. Каннингем демонстрирует в размышлениях младшей дочери главной героини Зои.

Zoe saw herself and Momma in the round mirror. She saw that she was the end of beauty. She had unruly brows and a hooked nose. Something that had started in Momma and advanced into Susan had crashed against her small black eyes, her jutting chin.

Зои видела в круглом зеркале себя и маму. И видела в себе кончину семейной красоты. Буйные брови, нос с горбинкой. Что-то, зародившееся в маме и перешедшее к Сьюзен, разбилось о ее, Зои, маленькие черные глаза, о ее выступающий подбородок.

Экспрессивные сочетания и лексемы *end of beauty* (кончина красоты) и *crashed* (разбилось) передают неприятие Зои своей собственной внешности (*unruly brows* – буйные брови, *hooked nose* – нос с горбинкой, *small black eyes* – маленькие черные глаза, *jutting chin* – выступающий подбородок).

3. «Другой» возраст («Другое» поколение). Говоря о возрасте, мы имеем в виду классическую проблему «отцов и детей» и их взаимное непонимание. Автор описывает искреннее стремление отца одного из героев понять и принять своего малолетнего сына таким, каков он есть, каким ему «положено» быть в его возрасте.

Constantine fought to contain himself. This is my little boy, he told himself. My boy is just a curious kid. But another voice, a voice not quite his own, railed against the boy for unnatural smallness, for a growing tendency to whine. These new traditions were important and precarious, these visitations by bearded saints and fairies and rabbits. They had to be carefully guarded.

Константин очень старался не давать воли гневу. Это мой малыш, говорил он себе. Мой мальчик, он любознателен, только и всего. Однако другой голос, лишь отчасти принадлежавший ему, носил неестественную малорослость мальчишки, его проявляющуюся все чаще склонность к нытью. Эти новые традиции, посещения дома бородатыми святыми, феями и кроликами – они так важны, так бесценны. Их следует оберегать, и как можно усерднее.

Противопоставление словосочетаний с противоположной коннотативной оценкой – *my little boy* (мой малыш) – *unnatural smallness* (неестественная малорослость), *curious kid* (любознательный ребенок) – *tendency to whine* (склонность к нытью), *contain himself* (не давать воли гневу) – *another voice* (другой голос) – демонстрируют явное неприятие отцом поведения ребенка и сильное стремление подавить в себе это неприятие.

Со своей стороны, сын, чувствуя и осознавая неприятие отца, начинает воспринимать себя тем, кого не признают, не принимают, выдают за «другого», «чужого», а значит, «плохого».

Billy could feel himself as a spoiled, greedy, ungrateful little boy. The louder he cried, the more firmly he became that, but the feeling of becoming it only made him cry harder. If he could have managed it he'd have slipped underground like a gopher and burrowed his way to Germany or Japan, someplace where he hadn't yet affected the air with his little desires.

Билли уже ощущал себя испорченным, жадным, неблагодарным мальчишкой. Чем громче он ревел, тем сильнее становилось это ощущение, отчего он ревел еще громче. Если бы он мог, то ускользнул бы, как суслик, под землю и прорыл себе путь в Германию или в Японию – в любую страну, воздух которой он еще не успел замарать своими ничтожными желаниями.

Четкое позиционирование себя «другого» у героя происходит в более зрелом возрасте, после окончания университета.

You're not here to see me graduate. You're here to see the son you want graduate. I've got news for you. They're two different people".

Ты же приехал не для того, чтобы увидеть, как мне вручают диплом. Ты приехал, чтобы увидеть, как вручают диплом сыну, каким он должен, по-твоему, быть. Ну так у меня есть для тебя новость. Это два разных человека.

Перечень лексем, способствующих характеристике концепта «другой» с точки зрения неприятия возрастных особенностей, включает в себя слова и словосочетания: *unnatural smallness* (неестественная малорослость), *tendency to whine* (склонность к нытью), *railed against* (поносил), *spoiled* (испорченный), *greedy* (жадный), *ingrateful* (неблагодарный), *little desires* (ничтожные желания), *two different people* (два разных человека).

4. «Другие» жизненные приоритеты. Еще один аспект неприятия «другого» кроется в различном понимании людьми жизненных приоритетов. Понимание между людьми возможно тогда, когда их действия нацелены на достижение благ, которые являются традиционными в обществе: достаток, удачный брак, крепкая семья, престижная работа и пр. Когда же стремления человека выходят за рамки этого традиционного круга жизненных приоритетов большинства людей, он становится непонятен для общества, становится «другим».

Zoe knew she'd never marry. A bride had to have a plan; she had to live in a house. Zoe would live in the outside, eat soup made from bark and rainwater. She was wrong for houses.

Зои знала, что замуж она никогда не выйдет. Новобрачной положено строить планы, жить в доме. А Зои будет жить под открытым небом и питаться супом из древесной коры, сваренным на дождевой воде. Для домов она непригодна.

Героиня осознает, что ее взгляды, желания и стремления отличаются от других, знает, какими, по мнению общества, эти взгляды «должны быть»: *A bride had to have a plan; she had to live in a house.* – Новобрачной положено строить планы, жить в доме. Такое самопонимание заставляет ее противопоставлять себя обществу.

Для героини, с ее «другим» восприятием ценностей, «другими» являются все остальные, в то время как она сама «своя»:

Momma sat her down at the dressing table, which was cluttered with jars and tubes and little glass bottles, a miniature city of cosmetics. It had a jumbled, intricate life of its own. It was the center of something. Zoe would live elsewhere, let her hair go free. She'd smell like moss and fur.

Мама усадила ее за туалетный столик, на котором теснились баночки, тюбики, стеклянные пузырьки – миниатюрный город косметики. В нем шла особая, затейливая, замысловатая жизнь. Это был центр всего. А Зои будет жить везде и всюду, оставаясь простоволосой. И пахнуть мхом и мехом.

В то время как такие непривычные для остальных вещи, как проживание под открытым небом и поедание супа из древесной коры, для Зои является нормой, обычные предметы быта – баночки, тюбики, стеклянные пузырьки (*jars and tubes and little glass bottles*) – являются для нее затейливыми и замысловатыми (*It had a jumbled, intricate life of its own*).

С другой стороны, правильная и обыденная Сьюзен, старшая дочь главной героини, являющаяся «своей» для своей собственной семьи, становится абсолютно «чужой» для компании своих ровесниц.

Susan knew she was the outsider, the one banded against. After she left the job she wouldn't know these girls anymore.

Сьюзен понимала: она для них человек **посторонний, человек, от которого следует защищаться соединенными усилиями**. И, оставив свою нынешнюю работу, она с этими женщинами попросту раззнакомится.

Взгляды, жизненные приоритеты Сьюзен настолько отличаются от ценностей ее знакомых женщин, что у них возникает необходимость объединять свои усилия в отстаивании своей позиции перед Сьюзен (the one banded against).

Таким образом, в контексте жизненных приоритетов концепт «другой» характеризуется словосочетаниями *live in the outside* (жить под открытым небом), *wrong for houses* (непригодна для домов), *let her hair go free* (оставаться простоволосой), *outsider* (посторонний человек), *the one banded against* (тот, от кого следует защищаться соединенными усилиями).

5. «Другая» сексуальная ориентация. Еще более остро воспринимаются обществом представители нетрадиционной сексуальной ориентации. Такое неприятие ярко описывается в сюжетной линии романа «Плоть и кровь», связанной с еще одним героем произведения, Билли, сыном Мэри и Константина.

Billy smiled nervously, and felt that he himself was at once desirable and slightly absurd. He wanted this man's continued attentions, not because he enjoyed them but because, if they were withdrawn – if Cody suddenly dismissed him as a dull Harvard boy – his own uncertain promise might start to wither inside him. Dullness might become a fact about him.

Билли нервно улыбнулся, ощущая себя и желанным, и немного нелепым сразу. Он хотел, чтобы этот мужчина и дальше проявлял к нему интерес – не потому, что наслаждался им, но потому, что, если интерес увянет, если Коди уйдет, сочтя его пресным гарвардским юнцом, неуверенные надежды, которые питал Билли, угаснут в его душе. И сказать о нем с полной определенностью можно будет только одно: скучный он человек.

В отрывке четко прослеживается, с одной стороны, отстраненность человека с другой сексуальной ориентацией от привычных ценностей, с другой, понимание своей непохожести, и, как следствие, неоднозначное и противоречивое самовосприятие: *desirable* (желанный) – *slightly absurd* (немного нелепый), *continued attentions* (дальнейшее проявление интереса) – *dismissed* (увядание интереса), *uncertain promise* (неуверенные надежды) – *dullness* (скучный человек).

Такие противоречия заставляют героя придумать «другого» себя, назвать его другим именем и наделить другими качествами, отличными от его врожденных качеств.

He hesitated. Then he decided he could do this as Will, a brave, reckless figure who did not quite exist. With mingled sensations of abandon and dread, Billy paid for his coffee and walked away with Cody. The streetlights had switched themselves on, pale lemon against the pale evening sky.

Билли колебался. А затем решил, что Вилл, человек храбрый, сумасбродный и не вполне реальный, пожалуй, сделал бы это. И, ощущая, как в душе его сплетаются бесшабашность и боязнь, Билли расплатился и вышел с Коди из кафе. На улице загорались фонари, бледно-лимонные на бледном вечернем небе.

«Другой» Билли, с именем Вилл, наделяется новыми, не свойственными ранее герою чертами: *brave* (храбрый), *reckless* (сумасбродный), *abandon* (бесшабашный).

Тем не менее «другая» ориентация оставляет отпечаток «чуждости», «инаковости» на поведении и восприятии таких людей.

Cody was casting his strangeness onto the limitlessness of his streets. Now, forever, this building would emanate.

Коди уже напечатлел свою чуждость на беспредельности знакомых улиц. Теперь ее будет источать и этот дом.

Характеристиками концепта «другой» в таком контексте будут сочетания: *nervously* (нервно), *desirable and slightly absurd* (желанный и слегка нелепый), *uncertain promise* (неуверенные надежды), *dull Harvard boy* (пресный гарвардский юнец), *abandon and dread* (бесшабашность и боязнь), которые говорят не только о неприятии собственной «чуждости», но и неопределенности самовосприятия.

Will stood. He looked down at his father, who sat surrounded by his wealth, chewing. His father wore green plaid pants. On the wallpaper, blue pagodas rose over country bridges and wading cranes. Will wanted only one thing – to be strange to his family. To disappear. For a moment he thought of looking calmly into his father's satisfied feeding and saying, 'I sleep with men.' He thought of kissing his father goodbye. He was filled with fury and shame and an uncertain desire that sizzled in his blood like a swarm of bees.

Вилл встал. Взглянул сверху вниз на отца, который сидел, окруженный своим достатком, и спокойно жевал. На его зеленые клетчатые брюки. По обоям вставали над сельскими мостиками и бредущими по воде журавлями голубые пагоды. Виллу хотелось лишь одного – стать чужим для своей семьи. Исчезнуть. На миг он подумал: может, стоит, спокойно глядя в лицо поглощающему пищу отцу, сказать: «Я сплю с мужчинами». Или поцеловать его на прощание. Вилла переполняло бешенство, стыд и некое непонятное желание, вскипявшее в крови так, точно в нее ворвался пчелиный рой.

Итак, языковая концептуализация «другого» представляет собой осмысление его сущностных признаков и фрагментов, которое объективируется в виде соответствующих языковых единиц.

Есть все основания полагать, что «другой» как противоположность «своего», внутренней жизни человека в истории развития культуры и социума понимался и понимается как один из основополагающих аспектов жизни и признается одним из первичных факторов в человеческих взаимоотношениях, что отражено и в языковой концептуализации «другого».

Языковые интерпретации этого понятия позволяют выявить многогранность и многокомпонентность этого концепта.

Проблема «другого», а также схожих с ним понятий «чужого», «инового» связана не только с многонациональностью и поликультурностью современного общества и вытекающими из этого проблемами, но и с принадлежностью отдельных индивидуумов к той или иной расе и отличностью их внешности от других рас, с неприятием традиционных ценностей и жизненных устоев, демонстрацией нетрадиционной сексуальной ориентации. Такие проявления «другого» в современном мире становятся довольно частым явлением. Семья, являясь микромоделью общества, а также залогом его стабильности призвана стать местом разрешения противоречий в обществе, эта семья включает в себя представителей упомянутых категорий людей. Именно с неприятием другого, чужого, непонятного, а значит, и ненужного связаны многие конфликты, проявляющиеся в разнообразных жизненных ситуациях и имеющих разные масштабы. Принятие «другого» в свою семью, в свой мир предполагает формирование толерантного отношения к другому, не только к конкретному отдельно взятому новому члену семьи, но и к подобным ему представителям другой культуры и носителям другого менталитета, что будет способствовать формированию толерантности общества в целом.

Список литературы

1. Карасик В. И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) / В. И. Карасик // Концепты. – Архангельск, 1997. – Вып. 2.
2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. – М., 1997.
3. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. – Архангельск, 1997. – Вып. 1.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М., 2001.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997.
6. Тер-Минасова С. Г. Личность и коллектив в языках и культурах / С. Г. Тер-Минасова // Вестник Московского университета. – 2003.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пос. / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000.
8. Barnhart Dictionary of Etymology / ed. R. K. Barnhart. – H.W. Wilson Co., 1988.
9. Dictionary.com, LLC., 2011. – Access mode: <http://dictionary.reference.com>, free. – Title from screen. – English.

**РОЛЬ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ
И ИНТЕРДИСКУРСИВНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ
В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ НАУЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

Е.А. Бочарникова

Статья посвящена исследованию роли интертекстуальных и интердискурсивных включений в процессе понимания научного экономического текста. Описаны основные когнитивные механизмы, участвующие при формировании и интерпретации информации, передаваемой посредством реализации интертекстуальной и интердискурсивной связи.

The article dwells on the role of intertextual and interdiscursive inclusions for the scientific economic text understanding. The main cognitive mechanisms participating in the process of encoding and decoding of the information presented by means of intertextual and interdiscursive interrelation are described.

Ключевые слова: интертекстуальное включение, интердискурсивное включение, научный экономический текст, когнитивный механизм.

Key words: intertextual inclusion, interdiscursive inclusion, scientific economic text, cognitive mechanism.

Не вызывает сомнения тот факт, что информационные барьеры опасны в любой сфере коммуникации, особенно в науке, в связи с чем проблема понимания научного текста стоит достаточно остро. С одной стороны, однозначность контекста и стереотипность синтаксических конструкций улучшают распознавание сообщений. Научный текст строго логичен, материал подается в нем аналитически. В нем меньше асимметрии между планом выражения и планом содержания, больше традиционности в выборе формулировок. Создается впечатление, что в силу точности и эксплицитности содержания научный текст в некоторых отношениях должен быть доступнее художественного. С другой стороны, семантическая конгениальность с автором текста вряд ли достижима, понимание затруднено из-за усложнения процессов научной коммуникации, терминологической насыщенности и информационной глу-